

МЕЖДУ ФРИЗАМИ И РАМПОЙ.

Этюды театральной жизни АЛЬФОНСА ДОДЕ.

Провинциальная турне.

Во время летнего жара, когда асфальт бульваров разогривается и дымится мягким под ногами, когда в зрительных залах видишь только людей в дорожных костюмах, в круглых шляпах и клетчатых пиджаках, тогда наши актеры собираются в стаи, как ласточки, чтобы эмигрировать в департаменты.

Происходит своего рода паше-круазе, потому что провинциальные актеры с своей стороны являются в это же время в Париж искать ангажементов на следующий сезон; в сердцах каждого из них таится слабая надежда найти себя хоть какое-нибудь амплуа на какой-бы то ни было парижской сцене, добиться успеха и хорошего жалованья, завоевать себе видное положение, в чем самые большие, провинциальные города удовлетворяют их только отчасти.

Тяжело ремесло этих бедных людей. Играя перед немногочисленной публикой, в особенности по сравнению с толпой, наполняющей каждый вечер все наши театры, они обязаны знать очень много ролей, чтобы обновлять афишу и поддерживать интерес в публике к театру. Так что они едва успевают только выучивать роли, но положительно не имеют времени изучить их, воплотить в них лица, которых они представляют, воспользоваться всеми средствами для создания роли. Хотя постоянная необходимость усиленной работы дѣлает их более гибкими, принуждает к большему разнообразию интонаций и поз, но они теряют при этом свой авторитет и даже вкус к серьезному труду, потому что какой-нибудь ловкий актер, который накануне играл первую роль в драме, очень часто бывает принужден фигурировать на следующем день в опере.

При таком положении становится понятным желание этих несчастных актеров появиться на наших сценах. И вот, почти все свое каникулярное время промывают они по черным лестницам театральных агентств, отказываясь вначале без сожаления от всяких предложений в Париж или ближайшей станции к нему; затем, при наступлении сентября, отказавшись от Панта и Невера по их отдаленности и слишком большой провинциальности, при-

нуждены отправляться в Барселонет или Новый-Орлеан.

А в это время счастливые актеры Парижа в одиночку или товариществами совершают свои провинциальные турне. Иногда какой-нибудь импрессарио устраивает дѣло, подписывает условия с директорами, принимает всю ответственность на себя; в другой раз актеры сами организуют между собою товарищества с вознаграждением пропорционально услугам и подвергаются всем случайностям предпринятия.

Дѣлается это для того, чтобы с пользой провести каникулярное время, так как очень редко случается, чтобы эти экспедиции не оказались прибыльными. Да кроме этого, актер, кочующий и непостоянный по природе, ощущает потребность к переменѣ мѣста, которая всегда мучила его со времени появления кочующего в своей повозке актера, афинянина Фесписа, создателя трагедии, жившего в 540 году.

Одни только способы передвижения изменились немного с того времени. В настоящее время Феспис отказался от своей повозки, уступив ее ярмарочным комедиантам и цыганам; и если бы капитан Фрикасс вздумал в наше время преследовать милую Изабеллу, то все приключения его ограничились бы опозданием на поезд, потерей билетов и спорами о прибавке багажа. Прошло также и то время, когда Вильгельм Мейстер спорил со своими товарищами в карете о том, как нужно играть Шекспира, каков должен быть Гамлет, толстый или худой, блондин или брюнет. Теперь актеры отправляются с курьерскими поездами и справляются в дороге только об одном: хороший ли стол в той гостинице, где они остановятся?

Все, по возможности, бывает заранее предусмотрено. Заранее определяется программа пьес, которые будут даваться, заключается условие с директором о числѣ представлений, и он сам собирает свѣдѣнія о публике и выбирает из репертуара пьесы, которые, по его понятію, наиболее подходят; ибо не слѣдует воображать себя, что провинция принимает со слѣпым восторгом эти рекламированные парижские труппы, в которых находятся дѣйствующие знаменитости между актерами среднего таланта. Происходит почти всегда обратное. В каждом городе есть свои любимые актеры, которыми он гордится и покровительствует им;

из какого-то мѣстного самолюбия; они принадлежат к его достопримечательностям. Сколько раз мы слышали от провинциальных абонентов:

„У насъ здѣсь есть свои такіе, какихъ ни въ одномъ изъ вашихъ театровъ нѣтъ“.

На дѣлѣ это очень редко оправдывается; но привычка к пристрастию иногда бывает очень опасна для кочующих, так что они должны быть готовы ко всяким разочарованиям. Вопрос о репертуарѣ очень важен. Слишком уже парижскія пьесы проваливаются по невѣжеству зрителей, осуждаются и возбуждают нѣкоторые предрассудки.

Въ другой раз, по невѣдѣнію, приѣзжают въ городъ, раздѣленный мѣстной ссорой на два враждебных лагеря; тогда въ самых обыкновенных положеніях, въ самых безобидных словах пьесы видят намеки на эту ссору. Вотъ почему первым долгом хорошего импрессарио должно быть основательное знаніе той среды, куда онъ привозит свою труппу.

Обыкновенно — же для того ли, чтобы апплодировать или для того чтобы критиковать, — но провинциальная публика всегда идет въ театръ посмотреть парижанъ. Есть даже такіе города, где избранная публика ходит въ театръ только въ это время. И какія воспоминанія оставляли наши знаменитости на этих сценах, где они появлялись так мимолетно! Это спасает их навсегда от забвенія, от быстрого забыванія, какъ Париж поступает со своими знаменитостями, зная, что другіе уже ждут своего часа.

Сколько старыхъ именъ, уже умершихъ для насъ, живутъ еще въ провинціи во всемъ своемъ блескѣ.

Прибытіе артистовъ составляет дѣловое событіе. Какъ только они вышли изъ вагона, они уже принадлежат публике, которая их подстерегает и разсматривает. Что касается знаменитостей, то при видѣ ихъ почти всегда разочаровываются. „Какъ, такъ это тотъ-то?“

Удивляются, видя этихъ знаменитыхъ артистовъ въ простыхъ дорожныхъ фуражкахъ, держащихъ въ рукахъ какую-нибудь картонку со шляпой, где ихъ ореолу должно быть очень тѣсно.

Во время проѣзда, на эспланадѣ, на нихъ указываютъ пальцами, слѣдуютъ за ними безцеремонно, потому что знаютъ, что такое любопытство ни чуть ихъ не приводитъ въ замѣ-

пательство и что актеръ ходитъ еще лучше, когда на него смотрятъ.

Очень редко, чтобы ихъ присутствіе въ городѣ не заставило появиться чье-нибудь призваніе къ театру. Имъ подносятъ маленькія пьесы, о которыхъ желаютъ знать ихъ мнѣніе. И для актера это не составляетъ единственного удовольствія въ путешествіи. Онъ находитъ въ немъ полное удовлетвореніе своего самолюбия. Во первыхъ, ему представляется возможность создавать завидныя для него роли, которыя по предпочтенію директора или авторовъ были отданы другимъ.

Помимо всякаго тщеславія, для настоящаго артиста, не ограничивающагося рабскимъ подражаніемъ, много радости въ соревнованіи.

Наконецъ, роль можетъ быть понята различнымъ образомъ и всякій думаетъ, что понимаетъ ее лучше другихъ. Потомъ, сколько звѣздъ второго разряда быстро и легко переходятъ въ первый на сценахъ, где сравненія не существуетъ или оно бываетъ очень благоприятно.

И вотъ, какое-нибудь незамѣтное имя въ театрѣ Жимназъ или въ Портъ-Сенъ-Мартинъ появляется, вдругъ, написанное крупными буквами на афишѣ. Возвращеніе въ Парижъ послѣ этого кажется очень тяжелымъ и утомительнымъ только мыслью, что хотя въ теченіе одного мѣсяца посчастливилось „быть звѣздой“. Случается также, что труппа, прибывшая изъ Парижа, бываетъ не полна и ее приходится пополнять мѣстными артистами. Тогда „звѣзда“ подаетъ совѣты, какъ нужно разыгрывать роль съ милымъ добродушіемъ высокаго превосходства. Иногда даже общается оказать протекцію у директора, что часто оканчивается страннымъ разочарованіемъ. Оптики такъ различны, парижское освѣщеніе такъ ярко, такъ безжалостно выкалываетъ все: открываютъ въ Бордо или въ Тулузѣ чуднаго молодого любовника, двадцатилѣтняго Делянен. Приглашаютъ его въ Парижъ. Онъ дебютируетъ во Французскомъ театрѣ, и тутъ только убѣждаются, что это провинциальный Делянен и останется такимъ навсегда.

Парижъ наполненъ актерами, которымъ суждено блистать только въ театрахъ децентрализаціи. Имъ слѣдовало бы составить изъ себя отдѣльную труппу, найти себя хорошаго импрессарио и уѣхать изъ Парижа навсегда, потому что это такого рода ласточки, возвращеніе которыхъ никому не желательно.

Пьянство на сценѣ.

Пьянство всегда очень трудно представлять на сценѣ: актеръ, желая быть вѣрнымъ дѣйствительности, боится показаться покинутымъ. И дѣйствительно, какое мрачное зрѣлище представляетъ это добровольное униженіе, это временное умопомраченіе, которыми человекъ самъ себя поражаетъ! Конечно, есть что-то смѣшное въ такомъ безпомощномъ состояніи человѣческаго существа, въ жестахъ и безсвязныхъ словахъ, въ неустойчивости на ногахъ, въ умопомѣшательствахъ отъ пьянства, но это смѣшное такъ удручаетъ сердце, что редко удается отогнать отъ себя смѣхомъ впечатлѣніе омерзѣнія и ужаса, внушаемаго такимъ состояніемъ. Слыша, какъ Шнейдеръ, знаменитая дѣва Мельяка и Галеви, бормочетъ, заикаясь: „Я немного пьяна, т-с-с!.. объ этомъ не слѣдуетъ говорить...“, видя, какъ она тащется, шатаясь, черезъ всю сцену съ оглушительной физиономіей, помышляешь о сценахъ при выходѣ изъ ресторана ночью во время карнавала, когда всѣ аптеки уже закрыты и когда нельзя достать ни капельки нашатырнаго спирта.

За то какъ въ томъ же театрѣ Дюпюи въ „Millions de gladiateurs“ хорошо представляетъ легкое опьяненіе послѣ хорошаго обѣда, когда выпивается немного болѣе, чѣмъ слѣдовало для утоленія жажды; какъ легкое возбужденіе молодого Изидора, его слезныя изліянія, измѣнчивость мыслей, спокойное презрѣніе къ жизни, наглядно свидѣлствуютъ о хорошихъ свойствахъ мѣстнаго вина, котораго онъ выпилъ не въ мѣру! А помните-ли вы опьяненіе Брессани въ „Сивильскомъ цирюльничѣ“? Какое достоинство, какое хорошее расположеніе духа, какое уваженіе къ истинѣ и приличію!

Сама мадамъ Мари — Лоранъ, прежде чѣмъ играть „Voleuse d'enfants“, представляла веселое пьянство въ дѣломъ дѣйствіи „Les chevaliers du brouillard“, хвастливое, горделивое пьянство; только тамъ она появляется въ роли молодого негодяя, украшеннаго всеми пороками и въ этомъ случаѣ переодѣванье и оригинальность роли придавали ей смѣлости, но представлять въ Парижѣ, передъ французской публикой и въ ту эпоху, когда оперетта еще не приучила насъ ко всякимъ странностямъ, представлять пьяную женщину, шатающуюся во всѣ стороны, было очень рискованно и трудно. Актриса долго колебалась, прежде чѣмъ рѣшилась принять на себя такую роль, потому,

взявъ на себя эту роль, она порѣшила, что для того, чтобы избавить дѣйствующее лицо отъ впушенія омерзѣнія, нужно довести его до такой поразительной реальности, которая уже становится искусствомъ въ силу своей точности, правдивости и вдохновенія.

Первой ея мыслью было отправить въ Лондонъ изучать въ трущобахъ большого города поразительное дѣйствіе можжевеловой водки (джина); но не имѣя времени для путешествія, она удовольствовалась внимательнымъ изученіемъ парижскаго народа, у котораго „вольное вино“, столь пагубное и разрушительное, замѣняетъ джину, потомъ абсентъ, горькія настойки и другія разновидности опасной фальсификаціи; и всѣ эти разнообразныя ядовитыя смѣси красуются за тусклыми стеклами кабацкихъ оконъ.

Съ ранней зари на наружныхъ бульварахъ можно видѣть рабочихъ, отправляющихся на работу и спѣшащихъ завернуть въ кабакъ, чтобы проглотить тамъ большую рюмку бѣлой водки и согрѣться отъ утренняго холода; и эту большую рюмку они называютъ „каплей“. И какова эта капля! Если вылить немного этой жидкости на цинковую доску прилавка, то на немъ образуется голубовато-фиолетовое, развѣивающееся пятно, какъ еще теплое мѣсто, где пылаетъ фосфорная спичка. Представьте себѣ, что эта водка производитъ въ тощомъ желудкѣ. „Это пробуждаетъ!“, какъ говорятъ они. Увы! вѣрнѣе сказать: это одуряетъ. И въ скоромъ времени парижскому пьянству не въ чемъ будетъ позавидовать лондонскому...

Часто, по выходѣ изъ театра, Мари-Лоранъ въ сопровожденіи своего мужа слѣдила за несчастными пьяницами въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, какъ они, выйдя изъ кабака и направляясь куда-то, толкались обѣстѣны, жестикулировали, обращались съ воззваніемъ къ закрытымъ дверямъ, говорили громко, бредили безсвязно, то съ оживленіемъ, то грустно. Она изучала эту сбитую съ пути волю, которая увлекла тѣло по всѣмъ направлениямъ, потомъ, утомившись и измучившись, приставляла его къ какому-нибудь столбу или укладывала на краю тротуара, — это блѣдныя, одурѣвшіе тѣла съ судорожной улыбкой усталости и страданія. Каждый день артистка отмѣчала новую черту, новый жестъ; но по мѣрѣ того, какъ она переходила отъ условнаго къ дѣйствительному, она все болѣе и болѣе страшилась своей задачи.

— „Это невозможно, — говорила она

сама себѣ, — публика не допуститъ меня дойти до конца“

И никогда еще, ни въ одной роли, она не выступала на сцену съ такимъ страхомъ, какъ въ вечеръ перваго представленія „Voleuse d'enfants“, когда ей нужно было появиться въ шестой картинѣ. Она появляется въ глубинѣ сцены на порогахъ крыльца въ нѣсколько ступеней. Страхъ ея увеличивается при этомъ трудномъ и характеристичномъ спускѣ, который нужно было совершить по правиламъ.

Задрапировавшись чудесно въ свои отвратительныя лохмотья, ужасная по своей блѣдности и безумному виду, падая, хватаясь за что попало, шатаясь во всѣ стороны, спустилась она съ крыльца при полномъ безмолвіи публики.

Это холодное молчаніе смущало артистку. Она рассчитывала, что съ ея появленіемъ, вся зала прійдетъ въ восторгъ или въ негодованіе и выразитъ это тотчасъ же.

Ничего подобнаго не было. Изумленіе побороло всѣ чувства. Смотрѣли, ждали. О! какимъ долгимъ казался ей этотъ спускъ съ шести ступеней!

— „Я предпочла бы пройти десять разъ разстояніе отъ церкви св. Магдалины до Бастили, — говорила она потомъ, и я не устала бы такъ, какъ устала при спускѣ съ этого ужаснаго крыльца“.

Да, это дѣйствительно ужасныя минуты для актера, когда всѣ эти головы направляются къ нему и эти тысячи взоровъ, въ которыхъ онъ ничего не можетъ прочесть кромѣ выраженія ожиданія, жаднаго и неопредѣленнаго любопытства...

Но когда она дотопталась до авансцены, когда публика увидѣла передъ собою этотъ страшный образъ пьянства, эту блѣдную маску, искаженную ужасными внутренними ожогами, эти большіе глаза, въ которыхъ вспыхивали огоньки, эти черные, плоскіе волосы, склеенные грязью канавы, въ которую она попадала не разъ, когда публика поняла вдругъ, что эти кучи отрезня жили и страдали и что передъ нею не омерзительная женщина-пьяница, но окаянная, забытая Дантомъ, носившая адъ въ себѣ самой, тогда она заволновалась, полная сожалѣнія и энтузіазма, и наградила отважную артистку продолжительными апплодисментами.